

Д.В. МАРЫКСИН, Е.В. КРУГЛОВ

ПОГРЕБЕНИЕ ОГУЗСКОГО ВОИНА-БАТЫРА ИЗ РЫН-ПЕСКОВ

В 2010 г. экспедиция Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии в ходе проведения археологической разведки в Рын-песках в районе соленого озера Сор-Айдын, близ впадения в него р. Малый Узень рядом с пос. Новая Казанка (рис. 1) обнаружила остатки нескольких средневековых захоронений, первоначально, вероятно, находившихся под курганными насыпями, ныне полностью развеянными.

В настоящей заметке в научный оборот вводятся предварительные материалы, связанные с одним из этих погребений. К сожалению, контуры могильной ямы достоверно по всей площади проследить не удалось: захоронение было обнаружено по выступавшим из песка на уровне современной поверхности костям черепа коня, на которых фиксировались следы окислов зеленого цвета от полностью разложившихся украшений ремней оголовья. К востоку от черепа коня на этом же уровне были зафиксированы копыта и несколько первых фаланг конечностей коня. Это позволяет предполагать наличие шкуры животного, разложенной по линии З – В (рис. 2, 1).

Под черепом коня, на глубине 0,2 м от современной поверхности, был обнаружен череп взрослого человека, предположительно мужчины. В процессе дальнейшего исследования оказались выявлены и остальные кости скелета человека, большая часть которых сохранила расположение *in situ*. Погребенный лежал на спине, вытянуто, ориентирован позвоночным столбом по линии ЗСЗ – ВЮВ, черепом обращен в направлении на ЗСЗ. Череп располагался на основании свода и, вероятно, был отченен от костей позвоночного столба. Кости рук вытянуты вдоль корпуса. Кости ног были переломаны, но и они, в целом, также сохраняли первоначальное расположение. Среди останков скелета отсутствовали кости правой половины грудной клетки и тазовые, возможно, преднамеренно удаленные в ходе разрушения целостности скелета, возможно, уничтоженные землеройными грызунами (рис. 2, 2).

Вместе с костями коня были обнаружены довольно хорошо сохранившиеся железные удила и пара стремян (рис. 2, 1).

Удила двусоставные, с равновеликими звеньями с двумя неподвижными кольцами на концах, расположенных во взаимно перпендикулярных плоскостях. В крайние кольца вставлены массивные подвижные кольца. В неподвижное кольцо одного из звеньев помещен стержневидный псалий с боковым щитком, сохранившийся лишь частично. Длина звеньев удил – 9,6 см, диаметр звеньев – 1,3x2,0 см, диаметры неподвижных колец 2,2 и 2,3 см, диаметры подвижных колец – 4,5 см, длина сохранившегося фрагмента стержневидного псалия – 11,5 см (рис. 3, 6).

Стремена имели несколько отличные друг от друга арочные корпуса, плоские, расплющенные, слегка выгнутые вниз подножки и выделенные наружу петли с пробитыми в них отверстиями для продевания ремней путалища. Размеры корпусов – 12,5x13 см, петли для путалища – 2x4 см, диаметр дужки – см, ширина подножки – 3,0 см (рис. 3, 7, 8).

У основания черепа погребенного обнаружена золотая проволочная серьга овальной в плане формы очень плохой сохранности. В нижней части стержня сохранилась напускная шарообразная дутая бусина. Размеры серьги – 3,7x2,3 см; толщина стержня – 0,2 см; диаметр бусины – 1,3 см (рис. 4, 13).

С левой стороны скелета человека располагалась железная сабля, довольно хорошо сохранившаяся, острием клинка обращенная к черепу погребенного¹ (рис. 2, 2). Общая длина сабли 92 см. Длина клинка 87 см. Длина рукояти 5 см. Ширина клинка у перекрестья 3 см. Участок максимального изгиба клинка сабли приходится на ее центральную часть. Максимальная кривизна клинка составляет 1 см, что позволяет определять саблю как слабоизогнутую. Соотношение длины и ширины клинка – 1:27. Перекрестье сабли с шаровидными утолщениями на краю. Стержень рукояти со слабым наклоном, величина угла наклона – 45°. Рукоять, вероятно, деревянная. Навершие рукояти железное, уплощенно-цилиндрическое, фигурно-грибовидное. Ножны – деревянные. Вблизи перекрестья на нож-

¹ В настоящее время сабля находится в процессе реставрации.

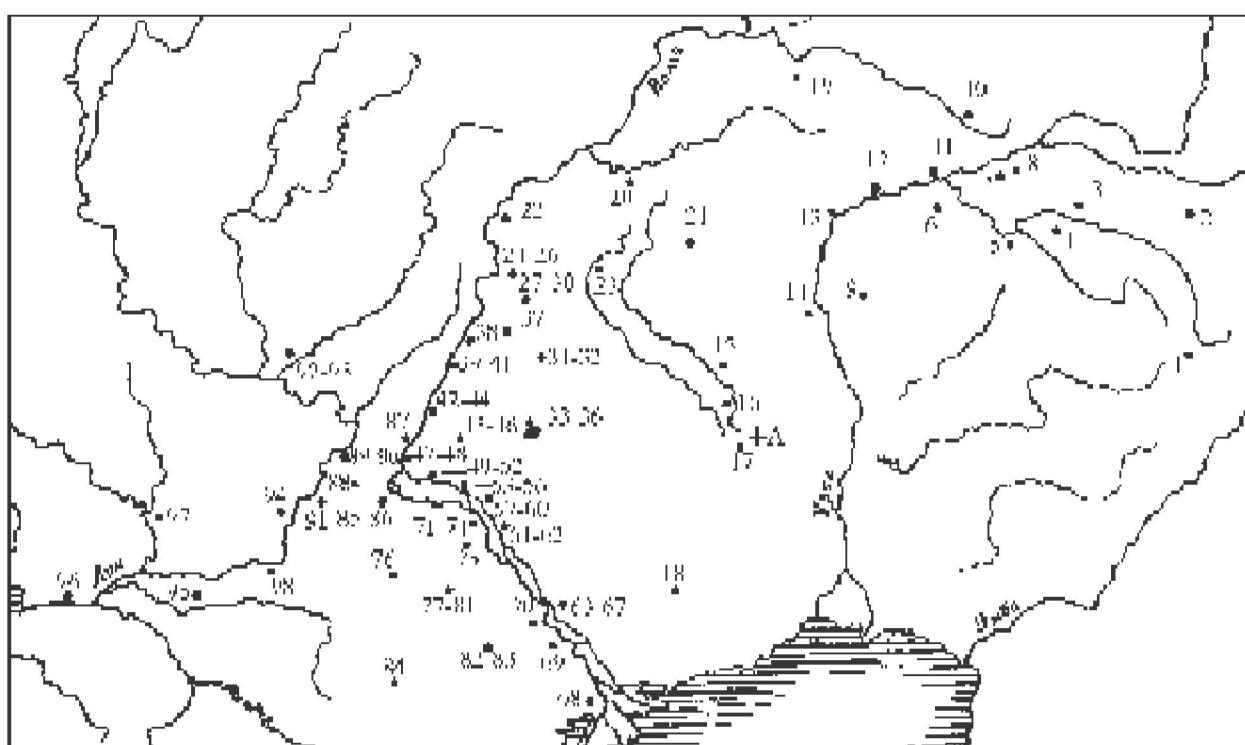

Рис. 1. Карта распространения памятников огузо-печенежского времени в степях Северного Прикаспия
(по: Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-ой пол. IX – 1-ой пол. XI вв.//
Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001. С. 396, рис. 1);
А – месторасположение погребения из Сор-Айдина

нах располагалась серебряная орнаментированная пластина-накладка, по центру находилось железное кольцо, посредством которых сабля крепилась к поясу погребенного. На нижнем конце ножен крепился удлиненный уплощенно-цилиндрический железный оконечник (рис. 3, 1).

Справа от черепа погребенного, по видимому, находился колчан. Здесь были обнаружены четыре железных черешковых наконечника стрел:

- Килевидный, ромбовидный в сечении с расширением в нижней половине пера с оформленными шейкой и упором. Общая длина 9 см, длина ударной части 5,5 см, максимальная ширина 2,5 см (рис. 3, 2);

- Ассиметрично-листовидный, ромбовидный в сечении с расширением в нижней половине пера без шейки и упора. Общая длина 9,5 см, длина ударной части 5,0 см, максимальная ширина 2,0 см (рис. 3, 3);

- Листовидный симметричный, подовальный в сечении, с расширением в нижней половине пера без шейки и упора. Черешок приклепан к основанию наконечника. Общая длина 11,5 см, длина ударной части 5,5 см, максимальная ширина 2,0 см (рис. 3, 4);

- Клиновидный симметричный, плоский в сечении с расширением в нижней половине пера без шейки с упором. Общая длина 9,5 см, длина ударной части 5,0 см, максимальная ширина 2,0 см (рис. 3, 5).

В районе тазовых костей погребенного были собраны 48 серебряных изделий, в том числе – 2 пряжки и 46 накладок, представлявших собой украшения ремней. Среди них находились:

- Цельнолитая парадная пряжка с овальной рамкой и коротким подтрапециевидным пятиугольным пластинчатым щитком, фигурно заостренным на конце. Передняя сторона рамки покрыта фестончатыми врезными углублениями. Лицевая сторона щитка украшена врезным растительно-геометрическим орнаментом, выполненным под заполнение чернью, к сожалению, оказавшейся утраченной либо еще в древности, либо в процессе реставрации пряжки химическим способом. В орнаментальной композиции угадывается стилизованная человеческая фигура в виде головы, распространенных рук и ног, разведенных в коленях и сомкнутых в ступнях. На обороте щитка штифты для прикрепления к ремню. Общая длина пряжки – 3,1 см, размеры рамки – 2,1x1,3 см, размеры щитка – 1,4-1,5x1,8 см (рис. 4, 1);

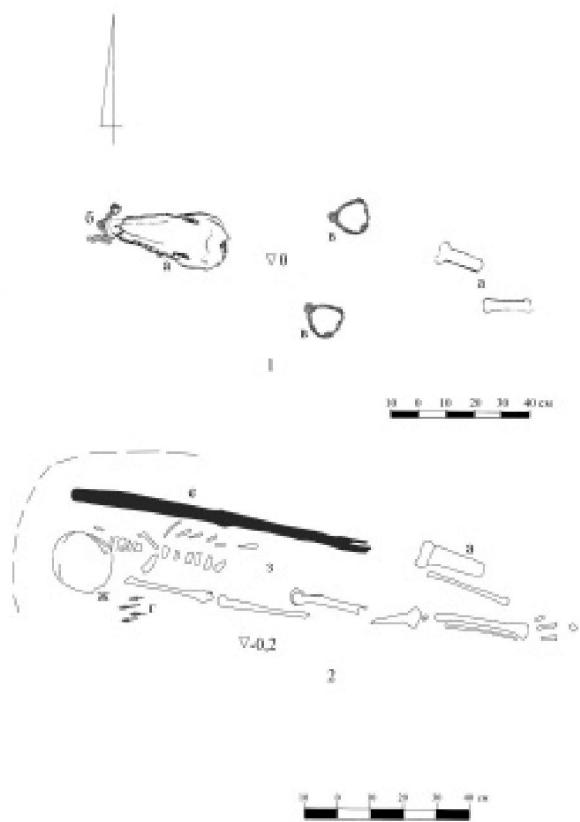

Рис. 2. План погребения из Сор-Айдына:
1 – кости коня, 2 – скелет погребенного

- Цельнолитая пряжка с овальной рамкой и коротким округлым на конце неорнаментированым пластинчатым щитком. На его оборотной стороне имеются штифты для прикрепления к ремню. Общая длина пряжки – 3,4 см, размеры рамки 3,33x1,5 см, размеры щитка – 1,4x1,4 см (рис. 4, 2);

- Два оконечника с длинными параллельными сторонами, округлым внешним краем и врезным тыльным, украшенные по трем сторонам внешнего периметра бордюром из рифленых фестонов. На обороте штифты для прикрепления к ремню. Размеры оконечников 3,75x1,2x0,15 см (рис. 4, 5, 11);

- Массивный цельнолитой оконечник с длинными фигурными боковыми сторонами, заостренным передним краем и фигурным тыльным. Лицевая сторона украшена сложносоставной растительной композицией в виде семи слившихся друг с другом сердцевидных фигур, трех парных и одной одиночной. В ее центр помещен ствол дерева с широко раскинутыми по обе стороны побегами, заканчивающимися крупными

листьями. Пространство, вокруг ствола выско-блено, очевидно, под заполнение чернью, к сожалению, также оказавшейся утраченной либо еще в древности, либо в процессе реставрации. На обороте имеются штифты для прикрепления к ремню. Размеры – 3,9x1,7x0,2 см (рис. 4, 10);

- Четыре фигурные бляхи в виде вытянутых трехчастных пальметт с заостренным передним краем и тремя дополнительными боковыми выступами-разделителями. Их лицевая сторона ук-рашена заглубленным схематизированным расти-тельный орнаментом, предназначенный под за-полнение чернью, ныне также утраченной. В ор-наменте угадывается стилизованная антропомор-фная фигура в виде головы, распростертых рук и ног, разведенных в коленях и сомкнутых в ступ-нях. Головой, возможно, является один из выс-тупов-разделителей. На обороте блях имеются штифты для крепления к ремню. Размеры – 2,6x1,4x0,2 см (рис. 4, 4).

- Восемнадцать блях арочной формы. У гори-зонтального основания прорезаны отверстия для подвешивания дополнительных ремней. Поверх-ность украшена арочным дуговым орнаментом, заполненным мелкими фестонами. На обороте штифты для крепления. Размеры блях – 2,3x1,8x0,2 см. Размеры отверстий для подвеши-вания дополнительных ремней у восьми блях – 1,2x0,5 см, у десяти – 0,9x0,3 см (рис. 4, 6, 8).

- Десять сердцевидных блях, украшенных по внешнему контуру бордюром из мелких рифле-ных фестонов. На обороте штифты для прикреп-ления к ремню. Размеры блях – 2,2x1,9x0,2 см (рис. 4, 12);

- Восемь сердцевидных блях, также украшен-ных по внешнему краю бордюром из мелких рифле-ных фестонов, аналогичные предыдущим, но несколько меньшего размера. На их обороте – штифты для прикрепления к ремню. Размеры – 1,4x1,3x0,2 см (рис. 4, 7);

- Две цельнолитых крестовидных перекрест-ных бляхи для соединения взаимопересекающих-ся ремней в виде полусфер с четырьмя отходя-щими от основания заостренными на внешних краях, короткими боковыми пластинами. Одна бляха сохранилась полностью, вторая фрагмен-тирована. Выступающая полусферическая часть украшена врезным солярно-лепестковым орна-ментом. Симметрично расходящиеся в разные стороны от центра стволы-побеги изгибаются у основания и заканчиваются бутонами из мини-атюрных трилистников. На поверхности отходя-

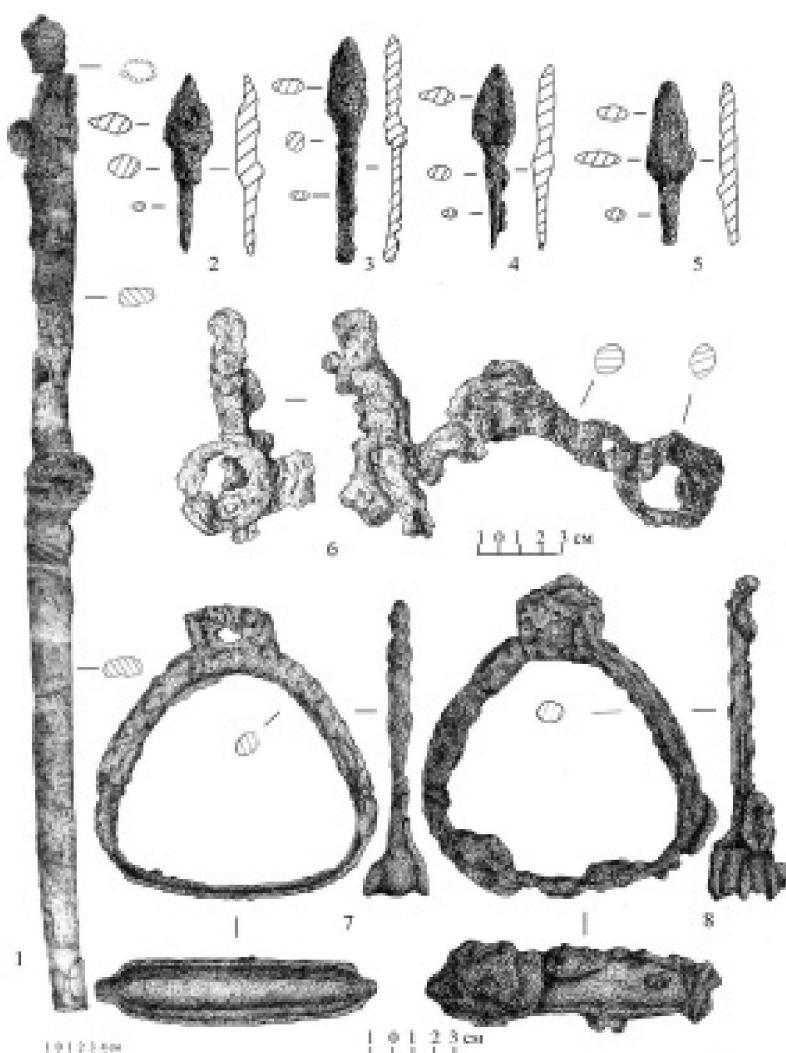

Рис. 3. Могильный инвентарь погребения из Соп-Айдына. 1 – сабля; 2–5 – наконечники стрел; 6 – удила; 7, 8 – стремена. 1 – серебро, железо; 2–8 – железо

щих от центральной полусфера боковых пластин вырезаны сердцеобразные по внешнему контуру розетки. В центре розеток оставлены бутоны трилистников, обращенных лепестками к центральной полусфере. Вокруг трилистников на полусфере и на боковых пластинах оставлены врезки под заполнение чернью, к сожалению, также утраченной. На обороте имеются штифты для крепления к ремню. Размеры блях – 4x4x0,3 см (рис. 4, 3).

- Одиночная фигурная зооморфная бляха-накладка, в виде стилизованной фигуры одногорбого верблюда с сильно поджатыми под себя конечностями. От головы к крупу животного проходит выделенная дуга. Накладка позолочена. Размеры – 2,8x2,6x0,2 см (рис. 4, 9).

Несмотря на то, что Соп-Айдинский комплекс до наших дней сохранился не полностью, зафиксированные особенности погребальной обрядности дают возможность уверенно связывать памятник с кругом древностей поздних кочевников X – нач. XI вв. и позволяют определять его этнокультурную атрибуцию как огузскую. Для погребального обряда огузов, также, как и для других средневековых кочевников, характерным признаком является сопогребение человека вместе с останками боевого коня. При этом, конь использовался в обрядах не целиком, а, как правило, лишь в виде отчлененной головы и шкуры, т.е. вместе с черепом и оставленными внутри шкуры скаковыми конечностями, отчлененными, как правило, по первый или второй суставы.

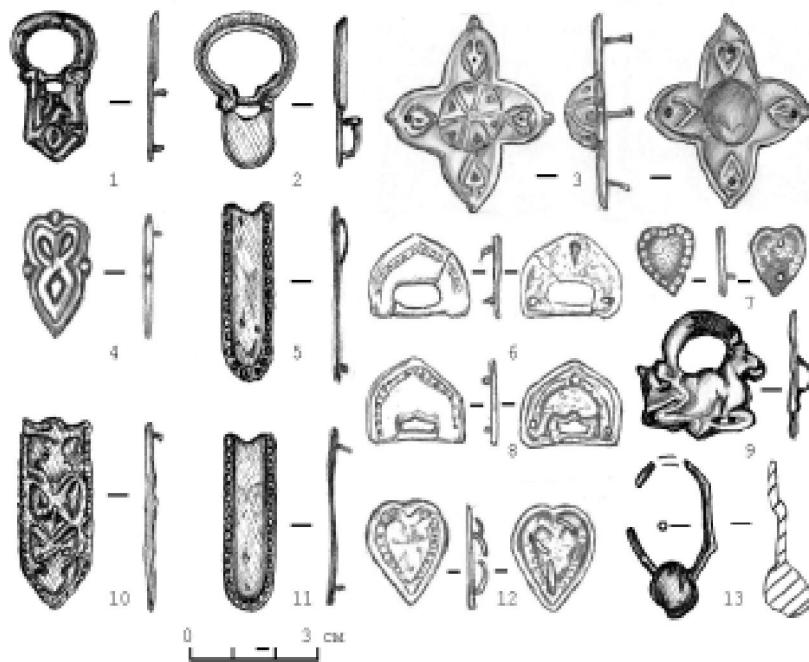

Рис. 4. Могильный инвентарь из погребения в Соп-Айдыне. 1-12 - украшения ремней сбруи и пояса, серебро; 13 – серьга, золото

Практика помещения в могилы копыт и первых фаланг конечностей коня в период IX – XI вв. была характерна также и для печенегов, укладывавших кости животных в могилы на одном уровне с погребенными, т.е. «горизонтально». Специфической этнографической особенностью, свойственной огузам, признается размещение в могилах черепов и шкур коней над останками погребаемых, т.е. «вертикально» по отношению к ним. Приоритет в уяснении особенностей погребальных обрядов печенегов и огузов принадлежит В.А. Кригеру². Позднее эти идеи практически безоговорочно поддержали все основные исследователи средневековых памятников Северно-

го Прикаспия³. Таким образом, «вертикальное» соотношение останков погребенного и коня, зафиксированное при расчистке Соп-Айдинского погребения, позволяет считать данный памятник огузским.

Выше отмечалось, что череп погребенного, скорее всего, помещен в могилу отчлененным от позвоночного столба, кости его ног были обнаружены переломанными, а среди останков скелета отсутствовали кости правой половины грудной клетки и тазовые. Сейчас уже трудно установить, имело ли данное состояние преднамеренный характер или же это результат деятельности землеройных грызунов. Остается лишь отметить,

² Кригер В.А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (Х-ХIV вв.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1985. С. 14-18; Кригер В.А. Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников)// Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 124-127; Кригер В.А. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы// Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 137-144.

³ Круглов Е.В. Некоторые замечания о погребальном обряде средневековых кочевников VII-XI вв.// VI-я научная конференция профессорско-преподавательского состава ВолГУ. Волгоград, 1989. С. 35-36; Иванов В.А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII-XIV вв. н.э. Автореф. дис. докт. ист. наук. М., 1990. С. 36; Кушаев Г.А. Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск, 1993. С. 102-103; Круглов Е.В. К вопросу о печенегах// Проблемы всеобщей истории. Волгоград, 1994. С. 38-39; Гарустович Г.К., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конец IX – начала XV века). Уфа, 1998. С. 248; Гарустович Г.К., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001. С. 76-79; Круглов Е.В. О некоторых особенностях погребального обряда огузов// Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001. С. 59-62; Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-ой пол. IX – 1-ой пол. XI вв.// Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001. С. 394-403; Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII-XVIII вв.). Уральск, 2003. С. 101-103; Круглов Е.В. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников// Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк, 2003. С. 13; Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж, 2003. С. 123-132.

что ритуальные обряды обезвреживания погребенных среди огузов имели чрезвычайно широкое распространение⁴.

Погребальный инвентарь, в целом, не выходит за рамки X – нач. XI вв.

По классификации Г.А. Федорова-Давыдова железные удила Сор-Айдынского погребения относятся к типу Б I, широко распространенному у средневековых кочевников VIII – XI вв.⁵ По классификации А.Н. Кирпичникова, данные удила относятся к типу I и также признаются ранними⁶.

Оба железных стремени, по классификации Г.А. Федорова-Давыдова, относятся к типу Б I, характерному и чрезвычайно широко распространенному среди кочевников огузо-печенежского круга IX – нач. XI вв.⁷. По А.Н. Кирпичникову, стремена с выгнутой вниз подножкой определяются специфическими именно для степных кочевников, постоянно использовавших в быту обувь с мягкой подошвой и большую часть времени проводивших в седле⁸.

Клинок Сор-Айдынской сабли, по типологии А.В. Евглевского, относится к 14-й разновидности, бытование которой у средневековых кочевников начинается со 2-й пол. X в. и продолжается вплоть до конца XIV в.⁹. Использование серебряных пластин-накладок на ножнах позволяет ограничивать время бытования сабель данного варианта 2-й пол. X – нач. XI вв. Подобные сабли на территории Заволжья обнаружены в нескольких погребениях огузских воинов – в п. 7 к. 3 могильника у Пятнадцатого поселка¹⁰, у оз. Эльтон – в п. 4 к. 8 могильника Ченин¹¹, в п. 4 к. 4 могильника Маяк Октября¹².

По замечанию А.В. Евглевского, в позднекочевнических погребениях сабли встречаются исключительно только лишь в мужских погребениях, представляющих собой захоронения профессиональных воинов¹³. А.В. Евглевский также считает, что в степи сабля выступала специфическим атрибутом кочевника-воина вне его социального положения. Однако, вряд ли это замечание в целом справедливое для половецкого и золотоордынского времена, также верно и для огузо-печенежского хронологического периода. По данным одного из авторов настоящей статьи, в пределах Нижнего Поволжья – Западного Казахстана в настоящее время известно 23 кочевнических захоронения IX – нач. XI вв., в погребальном инвентаре которых находились сабли. Однако, основным и гораздо более распространенным видом оружия для основного большинства кочевников этого времени являлась не сабля, а простые лук (60 комплексов) и стрелы (65 комплексов). Очевидно, что в погребениях кочевников огузо-печенежского круга именно наличие сабли в числе некоторых других признаков (украшенные элитными наборными бляхами о головье сбруи коня и боевой пояс) маркирует сравнительно узкую социально значимую прослойку профессиональных воинов-батыров. Совершенно аналогичная ситуация зафиксирована также и для причерноморского региона, где, по данным А.В. Евглевского, на территории от Поросья до Нижнего Дона из 135 средневековых погребений X-XIV вв. с определенными типами сабель со 2-й пол. X – нач. XI вв. могут быть связаны всего лишь 6 комплексов¹⁴.

⁴ Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-ой пол. IX – 1-ой пол. XI вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001. С. 405–417; Он же. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк, 2003. С. 27–58.

⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 18–19.

⁶ Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ. Вып. Е 1–36. Л., 1973. С. 12–13.

⁷ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 11–12.

⁸ Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ. Вып. Е 1–36. Л., 1973. С. 44–47.

⁹ Евглевский А.В., Потемкина Там.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. С. 119, 121, 123, 145, 155.

¹⁰ Гаврилина, 1991, с. 147–155; Культура, 2001, с. 25, № 17

¹¹ Круглов Е.В., Лукашов А.В., Мамонтов В.И. Погребения кочевников IX – начала XI века на территории Палласовского района Волгоградской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003. С. 192–215, 2003, с. 209, рис. 6.

¹² Культура средневековых кочевников и городов Золотой орды. Каталог выставки. Волгоград, 2001. С. 25, № 16; Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. Парадные упряжь, оружие и поясной набор, найденные у г. Ленинск // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2006. С. 209, рис. 2.

¹³ Евглевский А.В., Потемкина Там.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. С. 153.

¹⁴ Евглевский А.В., Потемкина Там.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. С. 151.

Надо отметить, что из 23 сабель IX – нач. XI вв., зафиксированных археологическими раскопками на территории Северного Прикаспия, типологически могут быть определены лишь 8 клинков, а большая их часть в силу разных обстоятельств остается не доступной для научного исследования. В связи с этим, вне всякого сомнения, указанное обстоятельство существенно повышает практическую значимость факта обнаружения в Рын-песках Западного Казахстана нового огузского комплекса с хорошо сохранившейся железной саблей.

По классификации Г.А. Федорова-Давыдова, наконечники стрел относятся к типу В II¹⁵. Однако, все они, фактически, относятся к разным типам. Согласно более дробной классификации А.Ф. Медведева, эти наконечники могут быть отнесены к типам 34, 40 и 44¹⁶.

В погребениях огузо-печенежского времени особый интерес вызывают находки наборных ременных украшений. По мнению Л.М. Гаврилиной, в Нижнем Поволжье в X – XI вв. сформировался один из центров художественной обработки металла, производивший вещи высокого художественного уровня, знавший технику инкрустации, амальгамирования и чернения¹⁷. Именно с традициями этого центра и могут быть связаны ременные украшения Сор-Айдынского погребения. Несмотря на то, что все они были собраны только в районе газовых костей, по своей форме, размерам и орнаментации данные изделия распадаются на несколько условных групп. Обе крестовидные бляхи по аналогиям из других погребений знатных огузских воинов относятся к числу украшений ремней сбруйного оголовья. К ним же, предположительно, могут относиться четыре фигурные сердцевидные накладки и два простых оконечника. При этом следует отметить некоторую некомплектность сохранившихся украшений сбруйного оголовья. В частности, отсутствуют хорошо известные по находкам из других погребений Т-образные бляхи для соединения 2-х ремней и массивные бляхи-решмы¹⁸.

К числу украшений воинского пояса в материалах Сор-Айдынского погребения относятся 18 арочных блях с прорезями у основания для подвешивания дополнительных ремней, а также 18 простых сердцевидных блях, возможно, крепившихся либо на концах дополнительных ремней, либо, частично, также и на основном ремне между арочными накладками. В любом случае, все указанные бляхи стилистически выглядят однородными и представляются наиболее архаичной группой ременных украшений данного комплекса. Близкие по стилю изделия вместе с арабскими монетами 823/824 гг. были обнаружены в Башкирии в материалах п. 1 к. 12 Хусаиновского могильника и в нескольких погребениях Бекешевских могильников, датирующихся авторами раскопок 2-й пол. IX в.¹⁹.

Сбруйные крестовидные и сердцевидные бляхи вместе с парадной пряжкой и массивным оконечником представляются еще одной стилистически однородной группой изделий. Однако, на основе промеров и ряда известных аналогий²⁰, парадные пряжка и оконечник, скорее всего, относятся к числу не сбруйных, а поясных украшений. Их стилистическая разнородность в сравнении с остальными поясными украшениями не может смущать, т.к. хорошо известно, что воинские пояса были продуктом постепенного, порой очень длительного комплектования. Кроме того, вышеуказанные бляхи не обязательно должны были располагаться все вместе исключительно только лишь на одном поясе. В элитных захоронениях у погребенных воинов в пользовании находились сразу два пояса, из которых один являлся парадным, а другой повседневным. Кроме того, к поясу погребенного подвешивалась сабля, ремни которой также могли украшаться накладками. В целом, по материалам Саркельского клада, данные украшения датируются в пределах X в.²¹, скорее всего его серединой – 2-й половиной.

Одиночная зооморфная бляха, по-видимому, является поясной. Подобные рода накладки известны у кочевников евразийских степей, но

¹⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 27.

¹⁶ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. САИ. Вып. Е 1-36. М., 1966. С. 63-67.

¹⁷ Гаврилина Л.М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X-XI вв.// Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987. С. 64.

¹⁸ Гаврилина Л.М. Там же. С. 65, сводная таблица.

¹⁹ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. М., 1981. С. 49-52, 61, рис. 26, рис. 32, с. 124.

²⁰ Культура средневековых кочевников и городов Золотой орды. Каталог выставки. Волгоград, 2001. С. 15, 25, № 19, 23, 24.

²¹ Макарова Т.И., Плетнева С.А. Пояс знатного воина из Саркела// СА, 1983. № 2. С. 76.

обычно они представляют собой фигуру всадника, сидящего верхом на коне²². В нашем случае коня заменяет верблюд, а всадника – дугообразная деталь. В кругу огузских древностей подобное украшение встречено впервые.

Наличие в Сор-Айдынском погребении ременных поясных и сбруйных украшений, также как и железной сабли позволяют отделять данный комплекс от многочисленных древностей рядового огузского населения и дают возможность связывать его с довольно малочисленной элитной и социально престижной группой погребений воинов-батыров²³.

Резюме

Сор Айдын көлінің маңайында табылған жерлеудің материалдары келтіріледі. Қазіргі жер деңгейінің бойында жылқының бас сүйегі және терісі бар алдыңғы сыйрагы табылған. Осының астын тазалау барысында, басы СБ бағытталып арқасына жатқызып жерлеген жауынгердің қаңқасы кездесті. Жылқы сүйектерімен

бірге темірден жасалған ауыздықтар мен үзенгілер табылды. Жерленген жауынгердің сол жақ бүйірінде темір қылыш, бас сүйегінің қасында жебелердің үштари табылды және де жамбас сүйегінің бойында белдік пен ат әбзелдің әшекейлері шоғырланған. Жерлеу ғұрпымың ерекшелігі және табылған заттардың хронологиясы мен үқастықтарын анықтай отырып, атамыш кешенді X ғ. – XI ғ. басы деп мерзімдеп, осының көшпелі оғыздар мәдениетімен байланыстыруға мүмкіншілік туады.

Summary

In article materials of the burial which have been found out are entered at Sor-Aidyn Lake area. The horse remains (skull, skin and racing limbs) are found out on the modern surface. Under them the skeleton remains of buried soldier are cleared. The buried soldier was laid on his back with head North-West-Ward. Iron ужил and stirrups were found with horse bones. There was an iron sabre to the left of the buried soldier. There were tips of arrows near the skull. The decorations of harness and belt are collected at hip-bone zone. Analogies to the stated features of the funeral Ceremony and chronology of sepulchral inventories allow to date the complex X - XI centuries and also give the chance to connect it with the culture of nomads oguzes.

²² Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки// Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Т. V. М. - Кемерово, 2008. С. 20-21, рис. 1, 13-18.

²³ Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-ой пол. IX – 1-ой пол. XI вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001. С. 428.